

вувльсивний” ритм оповідань. Дослідження особливостей ритмічної організації короткої прози Густава Майрінка є продуктивним шляхом аналізу прикмет експресіоністичної поезики у творчому доробку письменника.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы / Михаил Моисеевич Гиршман. – М. : Сов. писатель, 1982. – 368 с.
2. Wallas A. A. Expressionistische Novellistik und Kurzprosa / A. A. Wallas // Naturalismus, Fin de siècle, Expressionismus (1890-1918) : [Hrsg. von Y.-G. Mix]. – Wien : Carl Hanser Verlag. – S. 522–536.
3. Жирмунский В. М. О ритмической прозе / Виктор Максимович Жирмунский // Русская литература. – 1966. – № 4. – С. 103–114.
4. Чичерин А. В. Ритм образа. Стилистические проблемы / Алексей Владимирович Чичерин. – М. : Советский писатель, 1980. – 278 с.
5. Adorno Th. Philosophie der neuen Musik / Theodor W. Adorno. – Tübingen : Mohr, 1949. – 144 s.
6. Meyrink G. Des Deutschen Spiessers Wunderhorn / Gustav Meyrink. – Wien : Böhlau Verlag, 1987. – 435 s.
7. Meyrink G. Das Haus zur letzten Latern : Die Frau ohne Mund / Gustav Meyrink. – München : Moewig, 1973. – 160 s.
8. Пестова Н. Лирика немецкого экспрессионизма : Профили чужести / Наталия Пестова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2002. – 444 с.
9. Nietzsche F. Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik / Friedrich Nietzsche. – Frankfurt/Main : Insel Verlag, 2000. – 219 s.

УДК 89.09. : 140.8

Раковская Н.М.
(Одесса, Украина)

А. С. ПУШКИН И В. В. РОЗАНОВ. К ПРОБЛЕМЕ РЕЦЕПЦИИ КРИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

У статті акцентується увага на інтерсуб’єктивності В. Розанова Розглядається протест В. Розанова проти канонічного трактування російської літератури. У центрі уваги переосмислення критиком творчості О. Пушкіна.

Ключові слова: критика, інтерпретація інтерсуб’єктивність, парадокс.

В статье акцентируется внимание на интересубъективности В. Розанова. Рассматривается протест В. Розанова против каноничной трактовки русской литературы. В центре внимания переосмысление критиком творчества А. Пушкина.

Ключевые слова: критика, интерпретация, интересубъективность, парадокс.

© Раковская Н.М., 2011

In the article the attention is accented on intersubjectivity of V. Rozanov. Objecting of V. Rozanov against canon interpretation of Russian literature is examined. In the center of attention is critic's reconsideration of Pushkin's creativity.

Keywords: *criticism, interpretation, intersubjectivity, paradox.*

Постановка проблемы. В последнее десятилетие явственно обозначился интерес к изучению критического текста. Об этом свидетельствуют исследования Р. Громяка, М. Зубрицкой, С. Яковенко и др. Вместе с тем, ряд аспектов указанной проблемы еще остались недостаточно изученными, в частности, рассмотрение особой модели критического текста. В этом плане, с нашей точки зрения, примером такой модели является критический текст В. Розанова.

Актуализация проблемы заключается в том, что рецепция пушкинского текста в критической рефлексии В. Розанова рассматривается в контексте интерпретации авторского «я» критика.

Цель данной статьи показать, как критическая рефлексия В. Розанова модифицирует классическое представление о феномене А. Пушкина и роли его творческого наследия в русской культуре.

В. Розанов был явлением не просто органически связанным с русской литературой XIX в., но и естественным продолжателем ее радикальных традиций. Самоощущение этого «великого парадоксалиста» отразило разрыв между XIX и началом XX в. В. Розанов демонстративно противопоставлял свое «я» всей предшествующей литературе и пытался доказать всю тщетность ее моральных императивов и ложность нравственных идеалов. Это было его внутренней поведенческой установкой: ибо, как отмечал Ю. Лотман, каждый человек в своем поведении реализует не одну какую-нибудь программу действия, а постоянно осуществляет выбор, актуализируя какую-нибудь стратегию из обширного набора возможностей [1].

В статьях В. Розанова о русской литературе отражено все разнообразие его художественных приемов: стилистическое новаторство, парадоксальность и множественность точек зрения, эстетический экстремизм.

В. Розанов играл со своим читателем в игру, провоцируя его на возмущение или скандал. Ведь восприятие искусства как самоценного, традиция игрового, комбинаторно-синтагматического начала в русской литературе почти не получила развития. В статьях скрывается гротескная, розановская реальность текста. Происходит некое мифотворчество, точнее, попытка деконструировать предыдущий опыт мифологизации и переписать традиционные понятия, такие как Бог, душа, свобода. Душа философа и критика как вместилище самых противоположных состояний и чувств может быть представлена как дескрипция субъективной природы творчества [2].

Эпатаж, шокирующие высказывания позволяют В. Ильину назвать В. Розанова «удавшимся футуристом», «удавшимся Пикассо» [3] русской литературы и русской философии, равно как и русской религиозной метафизики. С этой точки зрения следует подходить и к проблеме: А. Пушкин и В. Розанов.

Сама постановка такой проблемы кажется также парадоксальной. Гармония и дисгармония, целостность и раздробленность, божественное и дьявольское – вот что, прежде всего, возникает в читательском сознании при восприятии розановских суждений о А. Пушкине.

Тем не менее, В. Розанов считал А. Пушкина центральной фигурой в литературном процессе, несмотря на то, что, начиная с 1860 г., А. Пушкин как актуальное поэтическое явление из нее исчезает. В статье «Три фазиса развития в русской критике» В. Розанов отмечал справедливость суждения В. Белинского о том, что пушкинский период русской литературы завершился. В. Розанов был прав, ибо, переосмысливая актуальное значение А. Пушкина, В. Белинский отмечал важность принципов натуральной школы с ее культом Н. Гоголя и требованием ориентации на конкретность и актуальность действительной жизни, ибо эпоха удовлетворения «лелеющей душу гуманности» уходит. Идея эта утвердится, с точки зрения В. Розанова, в критике 60-х годов XIX в., причем не только у шестидесятников, но и у А. Дружинина, несмотря на его суждения о том, что поэзия есть божественный дар и должна быть чужда всякой дидактике.

П. Вяземский называл А. Пушкина Протеем. Немецкий исследователь Штаммлер так же называет В. Розанова в своем предисловии «Черты и стиль протеического человека», написанном к русскому изданию сочинений критика в 70-е г. XX в.

Подобное совпадение не случайно. Многоликость, способность говорить поэтически обо всем, видение мира и знание форм человеческой элизии присутствовали в наследии В. Розанова.

Поэтому для него главное в А. Пушкине многобожие, часто отождествляемое с многосторонностью. «Можно Пушкиным питаться, и можно им пропитаться всю жизнь. Попробуйте жить Гоголем... Лермонтовым: вы будете задушены их (сердечным и умственным) монотеизмом... Через немного времени вы почувствуете... себя как в комнате с закрытыми окнами и насыщенной ароматом сильно пахнущих цветов, и броситесь к двери с криком: простора! воздуха! У Пушкина все двери открыты, да и нет дверей, потому что нет стен, нет самой комнаты: это – в точности сад, где вы не устаете». Конечно, отмечает В. Розанов, Россия никогда не станет жить Пушкиным как греки Гомером. Тут не недостаточность поэта, а потребность движения, потребность «исключительных настроений». После «сада» Пушкина – исключительный и фантастический кабинет Гоголя – где все небытие, где преобладает темный лик мира. Очевидно, что для В. Розанова А. Пушкин близок: 1) началом гармонии, 2) началом доверия, 3) началом цельности, 4) началом соборности, «слиянностью с ближним». «Типы иной красоты», которым А. Пушкин поклонялся некогда и, как другие русские поэты, «облил их слезами своей любви», в конце концов, были побеждены типом духовной красоты, сложившейся в нашей жизни, выросшей из нашей действительности. Отсюда ведут свое начало и Толстой, и Гончаров, и Тургенев, – отмечал критик [4, 5].

Речь идет о том, что в творчестве А. Пушкина произошло слияние разных культур. При этом для В. Розанова в поэте особенно важно мистическое отношение к жизни, его пантеизм. Он – всебожник, т. е. идеал его дрожал на каждом листочке Божьего творения. Надо заметить, что при всем своеобразии пантеизма самого В. Розанова (слияние Бога с Полом) истоки его теории кроются в ощущении того, что религиозное чувство жизни передает язычески-эротический момент, что в свою очередь связано с античной и христианской традицией. Отсюда следует его интерес к А. Пушкину и античной традиции. В. Розанов указывает, что А. Пушкин оглядывался на начала, идя по следам античных поэтов, и потому открыл новые миры русской жизни и русской души. Любопытны для В. Розанова, в частности, мотивы пиришественных од Алкея, Анакреона, Горация, про-

слеживаемые во всех лицейских стихотворениях А. Пушкина, посвященных значимым датам. Так, например, стихотворение «Бог помочь вам, друзья мои» прочитывается В. Розановым как молитва, в которой соединяются, варьируются мотив пира, мотив утешения – исцеления и вместе с тем мотив увядания.

А. Пушкин воспроизводит не просто образы, а топосы (как указывает В. Топоров), погружая их в поэтическую стихию русской природы и быта.

Гармонию В. Розанов находит в стихотворении «Зимний вечер», с его ощущением христианской любви к бедности деревенского быта, сердечной няне, подруге его одинокого застолья, где, главное, вера христианская, определяющая нравственно-этический, ценностный мир лирического героя, его, как писал о А. Пушкине И. Ильин, «искреннее, русским православием вскормленное мироприятие и мироблагословение» [6].

Рефлексивное сознание поэта и, вместе с тем, наивный взгляд, идущий от древнего мира, в частности мира Горация, – близок В. Розанову. Рядом с наслаждением жизнью, эпикурейством поэта, оказывается для критика конца XIX в. важным появление контрастной темы смерти. В. Розанов указывает, что А. Пушкин, как и великий Монтень, философствуя, учит жить и умирать, указывая, что жизнь ведет нас «за руку по отлопому, почти неприметному склону, пока не ввергает в это жалкое состояние, заставив исподволь свыкнуться с ним. Вот почему мы не ощущаем никаких потрясений, когда наступает смерть нашей молодости, которая право же, по своей сущности гораздо более жестока, нежели окончательная смерть еле теплой жизни, или же смерть нашей старости. Прыжок от бытия-прозябания к небытию менее тягостен, чем от бытия-радости и процветания к бытию-скорби и муке» [7, 4]. У А. Пушкина, с точки зрения В. Розанова, философия жизни и смерти предельно сгущена:

*Судьба глядит, мы вянем, дни бегут
Невидимо склоняясь и хладея
Мы близимся к началу своему* [8, 377].

Судьба – характерно античный образ, возникающий у А. Пушкина, близок В. Розанову (соответствует в христианском толковании Провидению). Данный образ по своему значению, замечает В. Розанов, шире, чем смерть, ибо включает и жизнь: в поэзии А. Пушкина судьба представлена тройственным образом мифологических персонажей – Мойр: Лахесис, вынимающей жребий, Клото, прядущей нить жизни, и Атропос, ее обрывающей. В. Розанов понимал, что связь с античной традицией менее всего следует трактовать механически, как некую комбинацию унаследованных образов. У А. Пушкина – судьба глядит грозно и бесстрастно на бегущее время и всеобщее движение к небытию. Этому бесстрастию и хочет научиться В. Розанов у А. Пушкина. Он замечает, что источники античной поэзии и философии были известны и ранее, но второго А. Пушкина не появилось. И это потому, что в случае с А. Пушкиным перед нами чудо гениального творчества на основе традиции [9]. Заметим, что «чудо Пушкина» – одна из значимых констант восприятия личности и творчества поэта в литературе конца XIX в. и литературного периода русской эмиграции (о чем еще писали М. Филлин в статье «Пушкин как русская идеология в изгнании» [10], И. Ильин «Родина и гений»).

Неисчерпаемость традиционной культуры как основы и источника оригинального творчества А. Пушкина прекрасно осознавал В. Розанов, комментируя статью А. Пушкина, посвященную переводу книги Сильвио Пеллино «Об обязанностях человека».

Заметим, что традиции тесно связываются с трактовкой В. Розановым проблем памяти и, одновременно, значимостью пушкинского лирического субъекта. Обычно предмет лирической медитации на темы смерти у предшественников А. Пушкина, замечает В. Розанов, была личная трагедия (автора, адресата) и общая закономерность, проявляемая в символах и аллегориях, сентенциях и силлогизмах. А. Пушкин находит посредствующий образ, соединивший индивидуальное и общее. Например, в статье «19 октября» он размышляет о жизни и смерти друзей – участников лицейского братства, представляющих дифференцированное множество различных человеческих судеб и, вместе с тем, в совокупности судьбу поколения и, метонимически – смертное поколение.

В единый трагический сюжет он собирает гетерогенные мотивы, (с т. зр. В. Тьюпы – гетерокозм), развивая его с чувственной наглядностью в художественно ускоренном времени. Сохраняя универсальность мысли, поэт изображает судьбу смертного человека, поколения, человечества не с точки зрения общих законов природы, а со стороны индивида – как трагедию жизни. Здесь и наступает осязаемый В. Розановым водораздел, ибо то, что для А. Пушкина является ощущением полноты жизни, для В. Розанова является ощущением кризиса, конца. Вот почему для А. Пушкина осень – вдохновение, а для В. Розанова – увядание, вот почему у А. Пушкина «у гробового входа младая будет жизнь играть», а для В. Розанова трагедия жизни представлена в фатальной ее неизбежности. В «Опавших листьях» он фиксирует ощущение кризиса, наступившего в листопаде, и произошедшего в результате понимания, что «все кончится». Затем появится ощущение длительности кризиса – о чем свидетельствует ремарка «три года уже» и осознание, что пушкинская целостность, эстетическая гармония – единственное, что может позволить сказать: «совершенно безысходному ничего дальше» противостоит «наступает всегда». Две эти взаимоисключающие позиции: трагизма жизни и его преодоления от А. Пушкина. Смертность, которая ужасает («Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужаюсь») должна быть преодолена эстетическим путем. И эта сверхзадача реализуется в стиле «Опавших листьев»: «Я мыслю, следовательно, я существую». «Я пишу», т. е. наблюдаю за жизнью, за собой, таким образом, отодвигая смерть. «Несу литературу как гроб мой, несу литературу как печаль мою, несу литературу как отвращение мое».

В. Розанов умер от голода и холода. Последняя написанная фраза: «Больше любви, больше любви, дайте любви». «Я задыхаюсь от холода. У, как везде холодно». Единственная книга, которую он не посмел бросить в огонь – первое издание Бориса Годунова А. Пушкина.

Перспективы дальнейшего изучения связаны с исследованием пушкинского текста в различных типах критической рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3-х т. / Ю. М. Лотман. – Талин : Александра, 1992. – Т. 1. – 1992. – 494 с.

2. Климова С. М. Феноменология святости и страстности в русской философии культуры. [Монография] / С. М. Климова. – СПб. : Алетейя, 2004. – 327 с.

3. Ильин В. Н. Стилизация и стиль. Ремизов и Розанов / В. Н. Ильин // Василий Розанов : Pro et contra [антология] : в 2-х кн. – СПб. : Изд. русского христианского гуманитарного института, 1995. – Кн. 2. – 1995. – С. 403–412.
4. Розанов В. В. Мысли о литературе / В. В. Розанов; [вступ. статья и комм. А. Н. Николукина]. – М. : Современник, 1989. – 607 с.
5. Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития / В. В. Розанов. – М. : Искусство, 1989. – 605 с.
6. Ильин И. А. Одинокий художник. [Статьи. Речи. Лекции] / И. А. Ильин. – М. : Искусство, 1993. – 352 с.
7. Монтень М. Опыты : в 3-х кн. / М. Монтень. – М. : Наука, 1958. – Кн. I. – 1958. – 326 с.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 19 т. / А. С. Пушкин. – М. : Воскресение, 1994–1997. – Т. II. – 1994–1997. – 437 с.
9. Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина / Т. Г. Мальчукова. – Петрозаводск : ПетрГУ, 1998– Ч. II. – 1998. – 114 с.
10. Филин М. Д. Пушкин как русская идеология в изгнании / М. Д. Филин // «В краю чужом». Зарубежная Россия и Пушкин. [Статьи. Очерки. Речи] / [сост., вступ.ст., комм. М. Д. Филин]. – М. : Русский мир, 1998. – 495 с.
11. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Работы 1920-х годов. – К. : Next, 1994 – С. 7–68.
12. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Л. : Эго, 1991 – Т. 2. – Ч. II – 1995. – 264 с.
13. Розанов В. В. «Вечно печальная дуэль» <Лермонтов> / В. В. Розанов // Новое время. – 1898. – № 7928.
14. Розанов В. В. Мимолётное. 1914 год / В. В. Розанов // Когда начальство ушло / [под общ. ред. А. Н. Николукина]. – М. : Республика, 1997. – 672 с.

УДК 811.111'06" 42-26

Максимук В.М.
(Львів, Україна)

АКТУАЛІЗАЦІЯ ХУДОЖНЬОГО ЧАСУ ТА ПРОСТОРУ В РОМАНІ САЛЛІ БОМЕН «ДОЛЯ»

Стаття присвячена дослідженню актуалізації художнього часу та простору в художньому тексті. Розглянуто теоретичні засади категорій художнього часу та простору, їх роль в інтерпретації художнього тексту. Висвітлені засоби хронотопної організації роману Саллі Бомен «Доля».

Ключеві слова: художній час, художній простір, хронотоп, проспекція, ретроспекція, змістовна зв'язність тексту, антропоцентричність.

© Максимук В.М., 2011